

Постановление ФКС от 19-го ноября 2021 года (1 BvR 971/21, 1 BvR 1069/21): допустимость закрытия школ в условиях пандемической ситуации

*(По материалам пресс-релиза КС ФРГ) **

* Оригинал см. на официальном сайте Федерального Конституционного суда ФРГ - **Schulschließungen waren nach der im April 2021 bestehenden Erkenntnis- und Sachlage zulässig, Pressemitteilung des Bundesverfassungsgerichts Nr. 100/2021 vom 30. November 2021**, <https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2021/bvg21-100.html> (Рубрикация и выделения в тексте - **Дайджеста**)

В своём постановлении от 19 ноября 2021 года (1 BvR 971/21, 1 BvR 1069/21) Первый сенат Федерального конституционного суда отклонил ряд конституционных жалоб, оспаривавших полный (или также лишь частичный) запрет на проведение классных занятий в общеобразовательных школах, вынесенный в целях борьбы с инфекцией в рамках принятия мер по реализации т.н. "чрезвычайного федерального тормоза" (Bundesnotbremse), действовавшего на территории ФРГ с 22 апреля по 30 июня 2021 года.

Этим решением Федеральный конституционный суд (ФКС) впервые признал право на школьное образование, которым обладают дети и подростки, и действие которого обязано гарантировать государство. Закрытие школ, осуществлённое в Германии с начала ковидной пандемии, представляло собой серьёзное вмешательство в право на школьное образование; об этом ясно свидетельствуют заявления экспертов о фактических последствиях этих мер. Учитывая крайне непредсказуемое распространение вируса на момент принятия "федерального чрезвычайного тормоза" в конце апреля 2021 года - в то время, когда программа вакцинации только началась - эти вмешательства должны были быть подвергнуты оценке в рамках поиска правового баланса конкурирующих конституционно-правовых ценностей с учетом исключительно важных интересов общего блага, а именно - защиты

населения от угрозы жизни и здоровью и обеспечения надлежащего функционирования системы здравоохранения. Согласно оценке законодателя, которая, как установил ФКС, была обоснованной на основе имевшихся на тот момент данных, этим опасностям можно было противостоять с помощью мер, включая закрытие школ.

Для законодателя были важны, в частности, следующие факторы, позволявшие ожидать от учащихся согласия на отмену уроков в школе в сложившейся в связи с распространением ковидной инфекции ситуации. По мнению Суда, законодатель мог обоснованно ожидать, что учащиеся с пониманием отнесутся к приостановлению работы школ, несмотря на тяжелые обременения и трудности, которые неизбежно должны были сопутствовать данной мере. В этом отношении особо значение имели, в частности, следующие аспекты. В отличие от других ограничений на контакты, полное закрытие школ вступало в силу не тогда, когда число новых случаев заболевания COVID-19 на 100 000 жителей в течение семи дней (семидневный уровень заболеваемости) в данной области превышало 100, а только когда оно превышало значительно более высокий порог в 165. Согласно антипандемической программы, федеральные земли должны были заменить, где это было возможно, отмененные классные занятия дистанционным обучением в период, пока действует "федеральный чрезвычайный тормоз". Закрытие школ было ограничено, кроме того, относительно непродолжительным периодом времени - чуть более двух месяцев.

Этим обеспечивалось, что ограничительные меры не будут применяться после того момента, когда необходимость в мерах по обеспечению защиты жизни и здоровья могла стать менее актуальной, например, в результате реализации программы вакцинации. Наконец, ещё до принятия "чрезвычайного федерального тормоза" Федерация приняла ряд превентивных мер, направленных на снижение, насколько это возможно, обременений, которые потенциальные будущие меры по борьбе с пандемией, которые также затронут школы, затрагивающие школы, могли возложить на учащихся. К ним относятся финансируемое Федеральным министерством здравоохранения исследование эффективности защитных мер ("*StopptCOVID-Studie*"), а также финансовая помощь федерального правительства на общую сумму 1,5 млрд евро, предоставленная Федерацией землям в рамках т.н. "Цифрового договора для школ" ("*DigitalPaktSchule*") с целью улучшения рамочных условий внедрения и обеспечения дистанционного компьютерного обучения.

Обстоятельства дела

Закрытие школ в соответствии с § 28b(3) Закона о защите населения от инфекционных заболеваний (ЗЗИЗ) было частью общей стратегии защиты, состоящей из ряда мер, принятых на основании Четвертого закона о защите населения во время эпидемий национального значения (Viertes Gesetz zum Schutz der Bevölkerung bei einer epidemischen Lage von nationaler Tragweite) от 22 апреля 2021 года, федерального закона, действующего на всей территории Германии в целях сдерживания распространения SARS-CoV-2 (так называемый "чрезвычайный федеральный тормоз"). Если число новых случаев заражения SARS-CoV-2 на 100 000 жителей в данном районе в течение семи дней превышало 165 в течение трех дней подряд, занятия в общеобразовательных и профессиональных школах были полностью запрещены. Если уровень заболеваемости превышал 100, занятия в классе разрешались только в форме смешанного обучения, когда две чередующиеся группы находятся в классе в течение ограниченного времени каждая (§ 28b(3) второе и третье предложение ЗЗИЗ). Федеральные земли имели право освобождать выпускные классы и школы с особым режимом от запрета на проведение классных занятий и предоставлять экстренную помощь детям на основе критериев, которые должны быть определены землями. Занятия в классе могли проводиться только при условии соблюдения надлежащих санитарных и защитных мер, принятых в школах. Ученики и учителя допускались к занятиям только в том случае, если они дважды в неделю проходили тестирование на SARS-CoV-2 с помощью признанного теста. Когда уровень заболеваемости опускался ниже соответствующего порога, ограничения снимались. Вводимые ограничения могли применяться только в контексте эпидемической ситуации национального значения, и срок его действия должен был истечь не позднее 30 июня 2021 года.

В конституционных жалобах, поданных в целях защиты прав учащихся, прежде всего оспаривалось нарушение их права на школьное образование. Родители, которые подали конституционные жалобы, утверждали, кроме того, что запрет классных занятий несоразмерно ущемляет их право свободно организовывать свою семейную жизнь, которое защищено ст. 6(1) Основного Закона (ОЗ).

Сенат предоставил возможность экспертам и приглашённым («третьим») лицам, представляющим медицинскую науку, эпидемиологию, студенческие организации, теоретиков и исследователей в области вопросов преподавания, представить свои заявления.

Основные правовые позиции Сената ФКС:

Конституционные жалобы остались без удовлетворения.

А. Запрет на проведение уроков в классах в соответствии с § 28b(3) второе и третье предложения ЗЗИЗ не нарушает право на школьное образование.

И. Запрет был равносителен вмешательству в право на школьное образование, защищенное ст. 2(1) в сочетании со ст. 7(1) ОЗ.

Право детей и подростков на свободное развитие личности, вытекающее из ст. 2(1) ОЗ, включает в себя право на получение государственной поддержки и помощи в их развитии, чтобы стать ответственными и самостоятельными личностями в обществе через школьное образование, соответствии с образовательной миссией государства (т.н. образовательный мандат) согласно ст. 7(1) ОЗ (право на школьное образование). Сфера защиты, предоставляемой этим правом, включает в себя все формы школьного образования, за исключением профессионального обучения. Таким образом, оно охватывает как обучение знаниям и навыкам, так и общеобразовательное и школьное воспитание. Хотя оно предоставляет детям и подросткам право(притязание) на то, чтобы государство обеспечивало и поддерживало минимальные образовательные стандарты, необходимые им для развития в самостоятельную личность на основе равных возможностей, оно не содержит неотъемлемого права, обязывающего государство организовывать школьную систему определенным образом.

В исключительных случаях осуществлению права на минимальные образовательные стандарты могут в виде исключения противостоять приоритетные конституционные интересы, подлежащие защите со стороны государства. Однако государство не может по своему усмотрению отказать в этом праве по причине наличия лишь ограниченных государственных средств. Право на школьное образование включает в себя, кроме того, право на равный доступ к государственному образованию в рамках существующей школьной системы. Более того, оно включает в себя право на защиту от государственных мер, которые ограничивают актуально уже имеющиеся и реализуемые в школе образовательные программы (т.н. образовательное предложение) без изменения самой существующей школьной системы как таковой.

В рассматриваемом в данном разбирательстве случае ФКС установил, что право на школьное образование было затронуто в его названном последним аспекте как право на защиту от вмешательства государства. Запрет на проведение очных, аудиторных занятий в школьных классах, по мнению Суда, представляет собой вмешательство в это право, которое должно быть соотносено с требованием пропорциональности (соразмерности), поскольку оно служило исключительно для борьбы с

пандемией, оставляя школьную систему как таковую - с классными уроками в качестве стандартного типа занятий - без изменений.

II. Запрет аудиторных занятий был формально и материально конституционным. Федеральный законодатель обладал необходимой законодательной компетенцией, и закон не требовал согласия Бундесрата. С материально-правовой точки зрения оспариваемое положение удовлетворяет требованиям соразмерности.

1. Как и другие ограничения на контакты, введенные "чрезвычайным федеральным тормозом", запрет на занятия в школьных классах служил для сдерживания распространения вируса и, таким образом, для защиты жизни и здоровья и предупреждения риска перегрузки системы здравоохранения. Тем самым, данная мера служила достижению легитимных целей, которые законодатель преследовал для выполнения своих обязанностей по защите, вытекающих из ст. 2(2) первое предложение ОЗ.

2. Законодатель пришел к выводу, что запрет на проведение классных занятий в случае высокого уровня заболеваемости, вместе с другими мерами, введенными "федеральным чрезвычайным тормозом" для ограничения социальных контактов, в любом случае, способствует защите жизни и здоровья и надлежащему функционированию системы здравоохранения.

Такая оценка не вызывает возражений с точки зрения конституционного права. Приглашённые в ходе судебного разбирательства эксперты в своих заключениях указали, что все существующие варианты вируса могут также заражать детей и подростков, которые затем могут передавать вирус другим людям, несмотря на то, что сами дети и подростки лишь в редких случаях тяжело заболевают Ковидом. По оценке экспертов, в условиях, когда школы остаются открытыми, учащиеся могут заразиться вирусом, не только через различные контакты с другими учениками и учителями в классе, в здании школы или на территории школы, но и по дороге в школу - и затем могут передать вирус другим членам своей семьи или учителям. Таким образом, продолжение школьного процесса способствует распространению инфекции.

3. Запрет на проведение занятий в школьных классах был необходим для защиты населения от связанных с инфекциями опасностей для жизни и

здоровья и для поддержания надлежащего функционирования системы здравоохранения.

Подобный запрет был бы излишним только в том случае, если бы можно было с уверенностью установить, что распространение вируса по крайней мере столь же эффективно можно было бы остановить с помощью менее обременительных мер при сохранении очного обучения в школьных классах в сочетании с регулярным тестированием и санитарными мерами. Однако научные данные в этой области характеризуются достаточной степенью неопределенности. Действительно, один из экспертов, заслушанных в ходе разбирательства, утверждал, что менее обременительные меры были бы столь же эффективны. Однако другие эксперты не согласились с этим мнением. Ряд специалистов заявили, что обоснованная научная оценка этого вопроса не может быть дана, поскольку ещё не собраны и не проанализированы данные об эффективности различных мер, принимаемых в школах для контроля инфекций. Соответственно заявления отдельных экспертов относительно эффективности других альтернатив довольно расплывчаты. Один из экспертов предположил, что распространение вируса в любом случае не может быть сдержано столь же эффективно с помощью т.н. «быстрых тестов» в школе, в то время как всеохватывающее или т.н. «сплошное» лабораторное ПЦР-тестирование для всех учащихся невозможно из-за ограниченности возможностей.

4. Если судить по данным и информации, имевшимся на момент принятия закона, запрет на очные занятия в школьных классах не был несоразмерен преследуемым целям.

а) Запрет на занятия в классах представлял собой тем не менее серьезное ограничение права на школьное образование детей и подростков. По данным Федерального института демографических исследований (*Bundesinstitut für Bevölkerungsforschung*), школы были полностью или частично закрыты в течение 173 дней в период с марта 2020 года до начала июня 2021 года. По утверждению президента Немецкой ассоциации учителей (*Deutscher Lehrerverband*), занятия в классах отменялись в среднем на половину учебного года. Приглашённые эксперты отметили, что в большинстве случаев классные уроки заменялись не общими дистанционными занятиями с компьютерными уроками, а заданиями, которые давали учителя. Экспертиза подчёркивала, что отмена классных занятий привела к отставанию в обучении и недостаткам в развитии личности участников. Это связывалось с тем, что школы являются важным пространством для социализации, особенно важным в целях психосоциального развития детей и подростков, которое перестает быть

доступным, когда школы закрываются. Эксперты согласились с тем, что закрытие школ особенно сильно ударяет по учащимся начальных классов, поскольку успешные результаты их учёбы зависят от непосредственного взаимодействия с учителями, а недостатки в обучении на этом раннем этапе образования потенциально могут повлиять всю их школьную жизнь и на становление и развитие их личности в этот период. Более того, эксперты предположили, что отставание в обучении, вызванное отменой классных занятий, особенно ярко проявляются у детей из социально неблагополучных семей. Наконец, согласно ряду экспертных заявлений, закрытие школ на фоне и в совокупности с другими мерами, принятыми для борьбы с пандемией, во многих случаях отрицательно сказывалось на физическом и психическом благополучии детей и подростков, а также на отношениях с их близкими в их семьях, что в свою очередь косвенно оказывает отрицательное влияние на получение школьного образования.

б) Когда Закон принимался в апреле 2021 года, эти серьезные ограничения права на школьное образование должны были быть взвешены по отношению к задачам по обеспечению защиты населения от связанных с инфекциями опасностей для жизни и здоровья и надлежащего функционирования системы здравоохранения, которые являются исключительно значимыми в интересах общего блага. Уровень инфицирования был крайне непредсказуем и динамичным. Вирус распространялся экспоненциально. Число пациентов с COVID 19, нуждающихся в интенсивной терапии, значительно возросло, и были основания опасаться, что многие больницы будут вынуждены перейти на режим чрезвычайной ситуации и откладывать ещё больше запланированных операций. В то же время происходило быстрое распространение новых разновидностей вируса, которые были более трансмиссивными и более смертоносными. Приходилось считать с тем, что во многих районах отслеживание контактов инфицированных лиц вскоре перестанет быть возможным. Программа вакцинации только началась.

с) Серьезные ограничения права на школьное образование детей и подростков, вызванные отменой классных занятий, не были несоразмерны исключительно значимому интересу общего блага, преследуемому этими мерами, который заключался в защите жизни и здоровья; в целом, был достигнут надлежащий баланс между противостоящими интересами.

В этой ситуации законодатель мог допустить, что социальные взаимодействия в местах массовых контактов должны были быть

значительно «сокращены», чтобы защитить население от угроз для жизни и здоровья, а также от угроз надлежащему функционированию системы здравоохранения, которые возникнут, если ситуация с вирусом выйдет из-под контроля. В этом контексте запрет на занятия в школьных классах являлся частью общей стратегии защиты, сочетающей различные взаимодополняющие меры.

aa) Закон не отдавал одностороннего предпочтения интересам общего блага. Особое значение классных занятий для образования как основной предпосылки для развития учеников в самостоятельные личности было отражено в том, что школы - в отличие от других мест контакта - должны были полностью закрываться не тогда, когда индекс заболеваемости коронавирусом, т.н. показатель инцидентности, превышал 100 новых инфицированных на 100 000 жителей, а только когда он превышал 165 человек. Кроме того, степень и интенсивность вмешательства в результате запрета классных занятий была снижена тем фактом, что федеральные земли имели право освободить от этого запрета выпускные классы и коррекционные образовательные учреждения (вспомогательные школы для детей с особыми потребностями). Кроме того, земли имели право вводить в школах экстренную помощь детям, в том числе для того, чтобы позволить ученикам принимать участие в дистанционном обучении, если у них нет подходящей учебной среды дома.

bb) Для оценки общей допустимости (*Zumutbarkeit*) закрытия школ важным фактором по признанию ФКС было то обстоятельство, что в принципе гарантировалось дистанционное обучение, как замена классных занятий.

По мнению экспертов, навыки и знания могут успешно преподаваться посредством заочного (дигитального) обучения, по крайней мере, ученикам средней школы, при условии наличия соответствующего компьютерного оборудования и адаптации концепций преподавания к такому обучению. В целом, федеральный законодатель не мог сам обеспечить, чтобы степень и интенсивность вмешательства, возникающего в результате введения им запрета на классные занятия, были смягчены организацией дистанционного обучения, поскольку он не обладает законодательной компетенцией в области школьного образования. Однако в данном случае не было необходимости в отдельном законодательном акте для уравнивания противоположных интересов, учитывая, что ст. 7(1) ОЗ налагает на федеральные земли обязательство обеспечить минимальные образовательные стандарты, необходимые для развития

личности детей и подростков. Если эти минимальные стандарты не соблюдены, поскольку занятия в классе отменены на относительно длительный период времени в приоритетных целях защиты жизни и здоровья, как в данном случае, земли должны были использовать оставшиеся возможности для поддержания этих стандартов. Таким образом, земли должны были обеспечить возможность дистанционного обучения везде, где это возможно, до тех пор, пока аудиторные занятия запрещены федеральным законом.

Если отдельные школы не предоставляют возможности дистанционного обучения в достаточном объеме, несмотря на отсутствие каких-либо уважительных серьезных препятствий, связанных с трудностями с персоналом, финансами или организацией, каждый учащийся на основании права на школьное образование может требовать принятия соответствующих мер.

сс) В условиях длительной ситуации опасности, как это имеет место в условиях пандемии *COVID-19*, при оценке общей допустимости ограничительных мер, принятых для её устранения, необходимо исследовать, могли ли такие меры быть применены таким образом, чтобы меньше ущемлять свободу, если бы государство способствовало улучшению базы научных данных и информации. Чем дольше действуют ограничительные меры или чем дольше сохраняется ситуация опасности, тем более обоснованными должны быть оценки законодателя, при условии, что возможность получить более точные и полные данные существовала на самом деле. Вместе с тем, государство не может мириться с существенной опасностью для жизни и здоровья в конечном счёте также и из-за того, что оно не внесло достаточного вклада в определение альтернативных мер защиты от данной опасности, которые в меньшей степени ущемляют свободу. Напротив, возможное возражение, что такие более мягкие альтернативы налагают большее финансовое бремя на общество, может утрачивать значение при правовой оценке в целях установлении баланса.

В данном случае нет оснований констатировать решающее для оценки обоснованности запрета проведения уроков в школьных классах упущение государства при сборе и оценке данных. Действительно, когда в апреле 2021 года был принят "чрезвычайный федеральный тормоз", опасность сохранялась уже более года, и уже можно было собрать в школах первоначальные данные, которые могли бы дать информацию о мерах по сдерживанию распространения вируса в данной сфере, которые бы меньше вторгались в гарантированные основные права и свободы. Однако в свете крайне динамичной ситуации, включая распространение новых вариантов

вируса, нельзя без существенных оговорок утверждать, что уже в апреле 2021 года можно было дать обоснованную на основе более ранним сбора информации оценку по вопросу о том, было ли бы тестирование - при сохранении школ открытыми - по крайней мере, столь же эффективным в сдерживании распространения вируса, как и закрытие школ. Кроме того, в § 5(9) ЗЗИЗ законодатель предусмотрел меры, обязывающие государство анализировать и оценивать эффективность различных защитных мер. Исследование, изучающее эффективность также мер в школах, уже было заказано Институтом Роберта Коха до принятия "чрезвычайного федерального тормоза" (исследование "*StopptCOVID-Studie*").

dd) В условиях ситуации опасности, длящейся продолжительный период, как это имеет место в условиях пандемии COVID-19, при оценке общей допустимости длительных ограничительных мер, введённых для её устранения, необходимо далее учитывать, приняло ли государство своевременно в сфере своей ответственности, как например, в школах, разумные и представляющиеся соответствующими обстоятельствам меры для обеспечения возможности разработать эти меры таким образом, чтобы они меньше ущемляли свободу. Если такие меры предосторожности не были приняты, то интерес пострадавших лиц в том, чтобы не стать жертвами такого рода предотвратимых ущемлений основных прав, может приобрести дополнительный вес для правовой оценки при поиске баланса между противоположными интересами и требованиями общего блага.

Является не очевидным, что широкомасштабные меры предосторожности могли быть приняты в школах уже к апрелю 2021 года, чтобы по возможности избежать закрытия школ. Стоящие на повестке такие потенциальные меры предосторожности, как улучшение условий вентиляции в классах или использование больших помещений для обеспечения соблюдения установленной физической дистанции, требуют тщательной координации, планирования и реализации усилий разной степени сложности. То же самое относится к усилению дигитализации школьного преподавания и разработке связанных с ними педагогических концепций с тем, чтобы посредством введения форм дигитального обучения, улучшенного с точки зрения объема и качества, насколько это возможно, избежать потерь в обучении в результате отсутствия очных занятий. К тому же, что касается вентиляционных систем и мобильных воздухоочистителей, то согласно имеющимся экспертным оценкам, всё ещё следует выяснить и уточнить вопрос относительно эффективности защиты при их эксплуатации в школьных учреждениях. Более того, еще до принятия "чрезвычайного федерального тормоза" федеральное правительство уже позаботилось о наличии необходимых государственных

средств для принятия соответствующих мер предосторожности. В рамках программы "Цифровой договор для школ" (*DigitalPaktSchule*) оно предоставило землям финансовую помощь на общую сумму 1,5 миллиарда евро в целях совершенствования рамочных информационно-технологических условий для внедрения цифрового дистанционного обучения. Кроме того, в рамках федеральной программы финансирования были выделены средства на общую сумму 500 миллионов евро на поддержку систем очистки воздуха, в том числе в школьных зданиях.

ее) Наконец, ограничении срока действия закрытия школ относительно кратковременным периодом времени в значительной степени способствует тому, что сопутствующее этому серьезное вмешательство в право на школьное образование является ещё приемлемым.

По оценке законодателя, данной им при разработке и принятии "чрезвычайный федеральный тормоза" меры по ограничению социальных контактов в целях защиты жизни и здоровья были особенно срочными, а также особенно значимыми для общего блага. Эта оценка была вполне обоснованной, и кроме того, она с самого начала находилась под оговоркой дальнейшего развития, то есть могла быть изменена в зависимости от дальнейшего хода событий. Было неясно, удастся ли и когда преодолеть динамику развития инфекции и остановить рост числа случаев заболевания с помощью мер "чрезвычайного федерального тормоза" и какую роль в этом сыграет распространение новых разновидностей вируса. Конституционная оценка носила лишь предварительный характер, что было обусловлено, в частности, начавшейся в то время кампанией вакцинации. Законодатель должен был исходить из того факта, что важность защитных мер в случае, когда будет предложена вакцина для всех лиц, желающих привиться, будет значительно меньше, чем в ситуации на момент принятия закона.

Это особенно верно в отношении запрета на проведение очных школьных занятий в классе. Согласно существующей на настоящий момент оценке экспертов, непривитые дети школьного возраста - в отличие от непривитых взрослых - при инфицировании заболевают лишь редко, и в обычном случае тяжело болеют только при наличии предшествующего или сопутствующего заболевания. Поэтому законодатель должен был считаться с тем, что запрет на очные занятия в школьных классах может постепенно утратить свое оправдание (обоснованность) в случае, если для всех будет предложена вакцина. Это в еще большей степени относится к запрету классных занятий в начальной школе, поскольку именно ученики начальной школы особенно серьезно страдают от запрета на очное обучение.

Ограничение действия мер коротким периодом времени гарантировал, что запрет на очное обучение в школьных классах не будет действовать за пределами того периода, в котором такое серьезное вмешательство в право на школьное образование более не может быть оправданно.

В. Запрет на проведение очных уроков в школьных классах также не нарушает право на семейную жизнь, вытекающее из ст. 6(1) GG.

II. Родители детей школьного возраста не могли сослаться на гарантии права на защиту против вмешательства государства, вытекающие из права на семейную жизнь согласно ст. 6(1) ОЗ, мотивируя это связанными с этим дополнительными нагрузками по уходу за детьми, и другими обременениями их семейной жизни и их трудовой (профессиональной) деятельности, которые ложились на в результате отмены занятий в школьных классах. Эти обременения не являются результатом косвенного и фактического вмешательства в гарантии основного права на семейную жизнь. Запрет на очные занятия в классе служил единственной цели сдерживания распространения вируса; его целью не было изменение семейной жизни родителей детей школьного возраста или их возможностей заниматься трудовой (профессиональной) деятельностью. Негативные последствия для семейной жизни были таким образом лишь непреднамеренным нежелательным побочным эффектом закрытия школ, не носящим характера реализации государством его полномочий по осуществлению т.н. «права вмешательства» в гарантии конституционных прав.

III. Родители, подавшие конституционные жалобы, также не могут заявлять о нарушении требования к государству обеспечивать поддержку и защиту, вытекающего из ст. 6(1) ОЗ и ст. 3(2) второе предложение ОЗ.

Естественно, тем не менее, запрет на очные занятия в классе ложится тяжелым бременем на родителей детей школьного возраста. Приглашённые эксперты указали, что родителям приходится брать на себя множество дополнительных задач, связанных с образованием и воспитанием детей, которые обычно выполняет школа. По данным Федерального института исследований в области народонаселения (*Bundesinstituts für Bevölkerungsforschung*), дополнительное время, которое родителям приходилось тратить на выполнение этих задач, составляло в среднем от 1,3 до 2,3 часа в день. Особое бремя легло на родителей с детьми, нуждающимися в специальном уходе, которые ввиду действия принципа обязательного школьного образования (и посещения школы) не

разработали систему ухода, которая могла бы заменить уход за детьми, оставшимися без обычного присмотра в очном учебном заведении. Кроме того, по мнению экспертов, тяжелое бремя испытывали родители-одиночки, поскольку закрытие школ вызвало для них особенно большие изъятия в уходе за детьми.

Учитывая это бремя для родителей детей школьного возраста и отсутствие у них возможности подготовиться и принять необходимые меры на случай закрытия школ, государство обязано - в силу требования оказывать поддержку и защиту, вытекающего из ст. 6(1) ОЗ и ст. 3(2) второе предложение ОЗ - компенсировать неблагоприятные последствия закрытия школ для семей и для профессиональной (трудовой) жизни родителей путем принятия мер по поддержке семьи. Государство в достаточной мере выполнило эту обязанность. Здесь можно упомянуть предоставленное федеральным землям право вводить чрезвычайные меры по уходу за детьми (*Notbetreuung*, т.н. неотложная помощь), которые облегчают нагрузку на родителей, и в особенности нагрузку на работающих родителей с детьми школьного возраста, нуждающимися в особом уходе. Кроме того, для того чтобы подстраховать родителей, которые не могли работать из-за ухода за своими детьми, от потери дохода, § 56(1a) первое предложение ЗЗИЗ предусматривает, что работающие родители могут требовать компенсации от государства, если они пострадали от закрытия школ, вызванного "чрезвычайным федеральным тормозом". Более того, право лиц, застрахованных по закону в системе обязательного медицинского страхования, на пособие по болезни и на оплату больничного листа (конкретно, в случае потери заработка из-за ухода за больными детьми) было распространено на те случаи, когда родители были вынуждены ухаживать за детьми из-за закрытия школ или отмены обязательного посещения школы (§ 45(2a) третье предложение Пятой книги Кодекса социального права ФРГ).